

Владимир Соловьев

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ РОМЕНА ГАРИ

Статья представляет собой попытку выделить в творческом наследии французского писателя Ромена Гари философскую линию, объясняющую природу любви. На материале его романов рассматривается, как любовь объединяет и разъединяет людей, раздвигает рамки личной свободы, помогает человеку лучше познать себя и другого, преодолеть изоляцию и одиночество. Писатель не оперирует терминами философской антропологии и этики, онтологии, гносеологии, и, создавая герменевтику любви, не углубляется в ее метафизику или семиотику. Он исследует феномен любви исключительно литературными средствами, но получившаяся у него картина не уступает философским экспликациям. Автор уделяет внимание дифференциации личной любви, ее роли, месту и значению в жизни человека, влиянию на автономии личности как любящего, так и любимого. В трактовке Ромена Гари любовь – это уникальный, присущий лишь человеку прекрасный инстинкт. Образность, метафоричность, полисемангичность романов Гари сбалансированы холодной критикой современного общества, утратившего чувство реальности, жадного до массовой культуры. Главный контент статьи – беспокойный поиск Роменом Гари той аксиологической грани, которая разделяет силу и слабость, свободу и несвободу человека в любви, оправдывает его чувственно-эмоциональное состояние, доминирующее над рациональным взглядом на вещи. На конкретных примерах, извлеченных из разных произведений писателя, показано, как любовь противопоставит отчуждению и выступает как самостоятельная сила и реакция на риски и вызовы современного общества.

Ключевые слова: философия любви, модель любви, диалог внутренних состояний, трансгуманизм, культурный натурализм.

The paper attempts to highlight a philosophical line explaining the nature of love in the heritage of the French writer Romain Gary. Based on his novels, the article explores the way love unites and separates people, pushes the boundaries of personal freedom, helps people to better know themselves and one another, to overcome isolation and loneliness. When proposing his hermeneutics of love, the writer neither uses relevant terms of philosophical anthropology, ethics, ontology, epistemology, nor centers around its metaphysics or semiotics; however, it doesn't prevent him from the implicit reasoning within the framework of the above mentioned categories. He explores the phenomenon of love by means of literature exclusively, but the resulting picture is not inferior to explications of love in philosophical thought. The author addresses differentiation of personal love, its role, place and value in human life, the impact on the autonomy of both loving and loved. With diligence and truly scientific interest in the phenomenon explores Romain Gary the mystery of love. In his interpretation love is a uniquely human, beautiful instinct. Pictur- esqueness, metaphoricity, polysemy of his novels are fully balanced with cold criticism of modern society having lost the sense of reality, constantly greedy for the mass culture. The main content of the article embraces the Romain Gary's search for the axiological facet splitting power and weakness, person's freedom and captivity in love and justifying emotional state dominant over the rational view of things. Specific examples in the article extracted from different works outline the way love opposes alienation and acts as an independent force and reaction to the risks and challenges of modern society.

Keywords: philosophy of love, love model, dialogue of internal states, transhumanism, cultural naturalism.

Про Романа Гари не скажешь, что он классик интеллектуальной литературы вроде Томаса Манна или Марселя Пруста. И все же, философско-творческое наследие этого писателя столь серьезно, что заслуживает предметного рассмотрения.

Подходя к художественной прозе Р. Гари с бахтинской позиции и допуская, что в ходе чтения или слушания произведения через авторское слово происходит присвоение читателем переживаний, смыслов и ценностей, которые он находит если не своими, то достаточно близкими для того, чтобы идентифицировать или хотя бы ассоциировать с ними собственные душевные состояния, мысли, эмоции [2, с. 58–59], убеждаешься в наличии огромного и благодарного материала для изучения его взгляда на мир.

Ромен Гари, безусловно, не только чуткий художник, но и сильный мыслитель, и образность, метафоричность, полисемантичесность его романов в полной мере сбалансированы холодной критикой современного общества, утратившего чувство реальности, неумно жадного до массовой культуры и вполне довольствующегося редкими и случайными взбросами с пиршественного стола интеллектуальных элит.

Из эмигрантов в дипломаты

Превращение виленского еврея Романа Кацева в французского писателя Романа Гари (псевдоним навеял любимый романс «Гори, гори, моя звезда») само по себе не менее остросюжетно, чем приключения Феликса Круля или одиссея капитана Блада. И будущий обладатель двух Гонкуровских премий, конечно, не раз брал материал для своих книг из собственной жизни.

Он родился в год начала Первой мировой войны, а точку в его биографии поставил выстрел в рот в 1980-м. Суицид последовал от осознания, что достигнут предел самовыражения.

Вообще же его карьера задалась. Переехав вместе с матерью во Францию, он благодаря свободному французскому и хорошему образованию получает гражданство и, став из Романа Кацева Роменом Гари, вскоре призывается в армию. Новобранца направляют на летные курсы. В годы Второй мировой войны молодой человек проявляет себя активным участником Сопротивления, героическим военным летчиком, которому даже два тяжелых ранения не помешали вернуться в воздушный строй. На его счету орден Крест

Освобождения и орден Почетного легиона – высочайшие награды Франции.

Знание иностранных языков, диплом юриста Сорбонны, диплом Варшавского университета по специальности «Славянская филология» плюс годовая юридическая подготовка в университете в Экс-ан-Провансе, репутация храброго боевого офицера в сочетании с личным обаянием и умением располагать к себе людей открыли ему путь в военные дипломаты, и он занимал ответственные посты, служа секретарем французского посольства в Софии, Берне, Лондоне, генеральным консулом Франции в Лос-Анджелесе, пресс-атташе французского представительства в ООН и т. п. А параллельно со службой Ромен Гари постоянно писал романы и сценарии, ставил фильмы; однако ни литература, ни кинорежиссура не исчерпывали его таланта и творческих возможностей. Вероятно, поэтому к концу жизни Ромен Гари придумал проектомистификацию, заключавшийся в том, что он, будучи литературной знаменитостью, публикует свои новые произведения под именем некоего Эмиля Ажара и опять добивается сенсационной всемирной славы.

Выше всего – природа

Конечно, Ромен Гари не Марк Аврелий и не Монтень, но афоризмов и крылатых выражений с интересными и любопытными мыслями в его книгах немеренно: «Нельзя спрашивать о смысле жизни – этот смысл нужно вложить в нее»; «Лучший способ забыть кого-то – это снова его увидеть»; «...юмор, этот ловкий и безотказный способ обезоруживать действительность в тот самый момент, когда она готова раздавить вас»; «Стоит только отчаяться, и мы уже готовы поверить чему угодно»; «Я не говорю, что нельзя жить без любви: можно, это-то и есть самое отвратительное»; «Чтобы продолжать верить и надеяться, надо быть безумцем. Отсюда я делаю вывод, что... безумцем быть надо».

Как и всякий автор, Ромен Гари – субъект сознания, и при всех совпадениях его биографической линии с судьбами вымышленных им героев он отграничивается и отличается от них. Тем не менее, как наблюдательный художник, он вкладывал в любой свой роман собственный опыт. Родившийся в Москве, учившийся в Вильно и Варшаве, натурализовавшийся во Франции, Гари объездил все континенты и чувствовал себя гражданином мира. Че-

ловец светский, пользовавшийся товарищеским покровительством благоволившего к нему генерала де Голля, вхожий в самое высшее общество, он, пожалуй, был классическим космополитом, ставившим на первое место не национальные, а общечеловеческие интересы и ценности и руководствовавшимся словами апостола Павла «Нет для Бога ни эллина, ни иудея». Христианство, правда, не входило в число мировоззренческих приоритетов писателя. Его внутренний мир неотделим от мира внешнего. Пантеизм во многом уживался в нем с антропоцентризмом, и, ставя выше всего природу, он ценил в человеке органическое единство и слияние с ней, находя противоестественным столь распространенное и утвердившееся в XX столетии чванливое осознание людьми своего превосходства над всем живым и вещественным, что их окружает. Он одним из первых в художественной литературе забил экологическую тревогу, и его роман-памфлет «Спасите наши души» с саркастической насмешкой над издержками современной цивилизации – прямое тому подтверждение и своеобразный манифест будущего трансгуманизма.

«Мысли иногда кажутся мне семенами»

Философия Ромена Гари прорастает из многообразия его мироощущения. В романе «Чародеи» он передает это так: «Мысли иногда кажутся мне семенами, которые тысячелетиями лежали подо льдом, но едва попав на свет и свежий воздух, взошли, начали жить, расцветать и ликовать».

В чем-то он пересекается с Освальдом Шпенглером, в чем-то – с Альбером Камю и Мишелем Фуко. Гари никогда не мнил себя генератором философских идей, лишь чутко откликаясь на те из них, которые ему самому приходили или не приходили в голову, но были понятны и близки. Он по-экзистенциалистски не оспаривает и не пытается опровергать абсурдность бытия, и по-структуралистски тщится проникнуть в тайны бессознательного. Его романы, новеллы, пьесы, сценарии, эссе вписываются в дискурс и эпистему культуры XX века в не меньшей степени, чем произведения блистательного Андре Мальро, с которым он тесно приятельствовал.

Кладовая мысли Ромена Гари богата и разнообразна. Нет такой области философии, где бы он не отметился, потому что каждая новая книга писателя – веха в самопознании, личное открытие

в представлениях о мире. Интеллектуально-духовный поиск своего пути приводит Гари, подобно А. Камю, к праведничеству без Бога. С плеядой французских властителей дум 1960–1980-х годов писателя роднит и то, что в его воззрениях нет ни капли дежурного, «технического» гуманизма, который спешили выставить на показ зашоренные идеологическими или церковными догмами ангажированные человеколюбы. По сути, Ромен Гари стоит на позициях культурного, или гуманистического, натурализма, заявленного американским философом Джоном Дьюи [1, с. 290], и всецело разделяет суждения Альберта Швейцера, противопоставлявшего этический прогресс прогрессу материальному и научно-техническому. При этом он далек от абстрактного гуманизма. Писателя обуревают «жажда справедливости к человеку, каким бы жалким и преступным он ни был», что не мешает ему подчеркнуть дистанцироваться от его идеализации. Так, в романе «Корни неба» автор, отзываясь о своих героях, передает собственное настроение: «Просвещенные, мыслящие, мечтательные, пронизательные... любящие человечество, они подсознательно понимали, что гуманизм – несбыточное искушение». В рассказе с характерным названием «Гуманист» писатель явно дает понять, что он не на стороне своего персонажа, который с приходом к власти Гитлера отсиживается у себя в подвале и пассивно-наивно ждет лучших времен в надежде, что силы добра восторжествуют над силами зла и великодушие, разум и справедливость победят античеловеческие порядки, утвердившиеся с фашистской диктатурой и милитаристским национализмом.

Гари несколько не смущает собственная субъективность. Мало того, объективность в ущерб собственному «Я» он не признает, ибо ценит лишь ту истину, которая эмпирически основана на индивидуальном опыте, вызывает доверие и понятна своей личностью.

Таков и его подход к любви – главному интересу его литературно-философских раздумий.

Единственный ответ

О том, что любовь – «единственный удовлетворительный ответ на вопрос о проблеме существования человека» [3, с. 23], сказал Эрих Фромм, но Ромен Гари всецело разделяет это мнение. Его обращение к тайнам любви, конечно, не выливается в трактат о ее

сущности и природе, но все же он исследует волнующий его предмет. Пожалуй, именно философия любви изначально и неизменно доминирует в его творчестве. Любовь, а еще более человек в любви притягивают писателя как сложное, загадочное, парадоксальное и непознаваемое явление, причем агностицизм в данном случае неизбежен, потому что дело не в бессилии разума, а в принципиальной невозможности постичь непостижимое и неисчерпаемое.

Ромен Гари рос без отца, но всепоглощающая любовь матери к сыну была столь велика, что стала для него высшим мерилom отношения одного человека к другому и жизни не для себя, а ради него. Весь мир матери был замкнут на сыне, и он признавался, что, повзрослев, подсознательно искал женщину, способную на такое же чувство. Мать умерла, когда Гари был на фронте, но за годя приготовленные ею письма сын еще долго продолжал получать. Правда о ее смерти стала потрясением, от которого он так и не оправился, потому что восполнить эту потерю не смог и ни в ком другом не обрел ту любовь, которую утратил: «Через материнскую любовь на заре вашей юности вам дается обещание, которое жизнь никогда не выполняет. Поэтому до конца ваших дней вы вынуждены питаться всухомятку. Всякий раз, когда женщина сжимает вас в объятьях, вы понимаете, что это не то. Вы постоянно будете возвращаться на могилу своей матери, воя как покинутый пес». Отнюдь не обделенный женским вниманием, он не отдавал предпочтение какой-то одной даме сердца, дважды создавал семью, но оба его брака распались. Друзья свидетельствуют о том, что Ромен Гари страдал от одиночества и неприкаянности и когда был, и когда не был женат. В одном из интервью он сказал: «Я живу с мисс “Одиночество” и слишком привязываюсь к ней, это, правда, было бы немного грустно усвоить эту привычку, я не люблю привычки». Писательство для Романа Гари – главный способ сублимации. Он творит, чтобы вернуть и вновь хотя бы урывками обрести испытанную, но навсегда утраченную любовь, преодолеть нестерпимое опустошение сердца. Мать души в нем не чаяла, и он возвращал ей ответное обожание. Нет повода сомневаться в степени откровенности его собственных слов: «...если правда, что это стремление болезненно родилось из моей сыновней любви, то все мое существо понемногу подчинялось ему, пока литературное творчество не стало для меня тем, чем является и по сей день в высочайшие минуты аутентичности, – лазейкой, через которую

пытаешься бежать от невыносимого, возможностью отдать душу, чтобы остаться в живых».

В наиболее концентрированном виде желательную для него модель любви как интенсивного диалога внутренних состояний Ромен Гари выстраивает в романах «Европа» и «Дальше ваш билет недействителен». В любимом человеке любящий открывает смысл своего существования, находит все богатство мира. В той, которой отдано сердце, для мужчины сосредоточены все женщины, когда-либо пленявшие его воображение, будь они реальные и современницы, жившие давным-давно или героини книг, фильмов, произведений изящного искусства. И точно так же для женщины любимый мужчина олицетворяет сборный образ прекрасного принца ее мечты. Герой первой упомянутой книги по имени Дантес говорит своей возлюбленной Эрике: «Я не знаю, где еще так хорошо живет, как в женских мечтах. Для мужчины это единственный способ полностью реализоваться. Без этого он только набросок, неудачная попытка, смутное стремление, неотвязная ностальгия по истинному рождению. Жить в мечтах женщины – значит наконец-то быть созданным, воплощенным... Великая любовь – это две мечты, которые встречаются и во взаимном согласии до конца избавляются от реальности. Так и получают чудесные пары, которые вместе стареют, – мужчина и женщина, живущие бок о бок, не прекращая друг друга выдумывать и оставаясь верными своему произведению искусства вопреки всем ловушкам “того, как есть на самом деле”... В том, что не стремится к воображаемому, нет ничего человеческого». В свою очередь, для Эрики быть любимой – «это прежде всего значило быть предметом нежных дум, постоянных мечтаний... Она знала, что могла полностью положиться на Дантеса».

В романе «Дальше ваш билет недействителен» герои находятся на двух противоположных концах жизни: Жаку шестьдесят, Лоре втрое меньше. Апелляцией к «Похвале глупости» автор напоминает, что такое и в седую старину случалось сплошь и рядом. И в самом деле, Эразм Роттердамский из XVI века рассказывает нам о встречаемых им повсеместно старцах «в летах Нестеровых, у которых и образа человеческого не сохранилось – шамкающих, слабоумных, беззубых, седых, лысых, или, как рисует их Аристофан, неопрятных, скрюченных, жалких, сморщенных, оплешивевших, оупевших, но сластолюбивых; и, однако, они так на-

слаждаются жизнью, так молодятся, что иной, глядишь, красит свои седины, другой прикрывает лысину накладными кудрями, третий вставляет себе зубы, может, выдернутые из свиной челюсти, четвертый жалостно вздыхает по какой-нибудь девчонке и в любовных глупостях готов состязаться с зеленым юнцом» (гл. XXXI, стб. 5–6) . Но Жак им не чета. Он еще бравый и вполне спортивный мужчина, и полюбившая его девушка испытывает к нему отнюдь не корыстно-меркантильный интерес.

Совместное творение двоих

Автор не мыслит себе любовь «без воображения, где восторг и культ нежной страсти черпали силу в неиссякаемом источнике почитания незримо присутствующей Девы Марии; до самого падения Запада, покуда живет любовь, будет и творение мифа, и это относится и к цивилизации в целом. Когда, с двенадцати лет слушающая женщину, обладавшую даром в высшей степени красноречиво живописать счастье, которым могла бы быть ее жизнь, всю свежесть своего вдохновения посвящаете тому, чтобы выдумать мужчину, вы создаете его уже навсегда, и тот, реальное существование которого послужило основой для подобного творения, никак не может повлиять на это совершенство, оттачиваемое с таким постоянством».

Любовь, по Гари, – это совместное творение двоих, но каждый творит ее прежде всего в самом себе, создавая сначала того, кого любит, в воображении, а потом, встретив, узнает. И, впервые встретив Эрику, Дантес «остался подле нее, переполняемый всей той страстью мужчины, который внезапно обнаруживает, как утопия оживает прямо у него на глазах, превращаясь в настоящую, осязаемую реальность, в счастье, оборачиваясь столь успокаивающей нежностью любимого лица, улыбки, голоса». Говоря о любви, писатель мало прибегает к определениям, избегает дефиниций и предпочитает формулировкам метафоры. Тем интереснее те редкие речения, которые он все же себе позволяет, и в конечном счете их набирается не меньше, чем рубай у Омара Хайяма. По философскому разумению писателя, любовь – это способность мысленно создавать (представлять) образ человека, не существующего в реальности, а стало быть, это не что иное, как импровизация на свободную тему. В «Европе» Гари на разные лады неоднократно повторяет: «Как бы там ни было, любовь – ведь это прежде всего

порождение фантазии». Погружение в мир иллюзий у Дантеса гораздо сильнее и глубже, чем у Эрики, но неравенство мечты их не разъединяет, а сближает, потому что «его лепты по части измышлений с лихвой хватило и на двоих». У Жака и Лоры из книги «Дальше ваш билет недействителен» реальное и иллюзорное тоже постоянно соседствуют.

Неистребимая потребность

Чем пошлее жизнь, тем сильнее в человеке неистребимая потребность в любви. Гари не только не скрывает свое завышенное кредо в этом вопросе, но противопоставляет его опошлению до похабного непотребства, которое при тотальном насаждении шаблонов массовой культуры стало нормой. Его романтизм – протест против обезлички людей и отношений между ними. Он за Любовь с прописной буквы, знаменующую самоуважение и искреннее восхищение тем, кого любишь. «Поскольку все уже измельчало и в самом человеке, и вокруг него» он, как и один из его героев, «за любовь любой ценой, где угодно, между любимыми существами, при каких угодно обстоятельствах, и даже если он должен... исчезнуть полностью и более никогда не возродиться для вечной жизни в бесконечном движении и безграничной надежде на будущие деяния, в неистребимых и триумфальных сплетениях воображаемого». Упомянутый в одном из романов труд Герберта Маркузе «Одномерный человек» с критикой завуалированного неототалитаризма, царящего в обществе массового потребления с его ложными, навязанными ценностями, явно знаком писателю, и он всецело разделяет активное неприятие духовного манипулирования человеком.

В книгах Ромена Гари много сказано и о девальвации любви. Автор не без горечи замечает, что само слово «любовь» затерто, обесценено, потеряло священную уникальность: «мы живем в такое время, когда мужчины уже не падают к ногам женщин»; «Вы говорите женщине: “Я вас люблю”, и вас уже берет отчаяние, потому что надо было сперва спасти, оживить эти слова... На вас находит немота при одной мысли о том, сколько уже было вложено всеми в эту фразу, сколько всего в нее впихнули... Конец цивилизации начинается с отношения к словам как к проститутке».

Таинство любви Ромен Гари исследует с тщанием и с истинно научным интересом к волнующему его феномену. В романе «Даль-

ше ваш билет недействителен» разница в возрасте героев дает повод предполагать, что фактически Гари описывает собственную ситуацию и историю своего второго брака (правда, жена писателя в отличие от Лоры была не из Бразилии, а из США). Вот почему временами авторский текст напоминает странички из дневника: «Я никогда не был искателем удовольствий, я искал святого убежища. Когда я крепко сжимаю тебя в своих объятиях, твое тело дает мне помощь и защиту... Словно христианский мир воцаряется вокруг нас, исполненный наконец нежности, прощения и справедливого воздаяния, а потом, когда наше дыхание разделяется и нам опять приходится жить рассеченными надвое, остается блаженное значение того, что мы побывали в святой святых, и еще некое нематериальное творение, созданное из уверенности, что мы туда вернемся». Главный секрет сохранения первоизданной свежести чувств, по разумению писателя, – в их вечном прологе, в той особой эйфории, какой окрашено бывает первое свидание: «самый большой подарок, какой может сделать любовь: впечатление, что она только начинается». Лишь при этом условии уготован храм на двоих, в котором дано почувствовать и пережить свою абсолютную незаменимость для другого, когда «самые незначительные предметы становились объектами культа. Мебель, лампы, картины приобретали тайное значение и за несколько дней покрывались паутиной воспоминаний. Исчезали штампы, банальности, затертость: все было в первый раз. Все грязное белее любовных слов, к которому так боятся прикасаться из-за сомнительных пятен, оставленных ложью, восстанавливало свои связи с первым лепетом, первым признанием, материнским или собачьим взглядом: любовная поэзия уже была там, задолго до того, как ее придумали поэты». Любовь как долгое и сбывшееся ожидание, как осуществившаяся иллюзия окрыляет Жака на пороге седьмого десятка его жизни, и он воспринимает случившееся как чудесную награду. И вот они вместе. Встретились в баре, где он целыми днями просиживал, мечтая ее увидеть. «Мне тебя... ужасно не хватало, – говорит в упоении своим счастьем мужчина. – Я... часами... ждал тебя. Устраивался напротив двери и караулил, но входили и выходили одни только хорошенькие девушки и никогда ты». Ее тяга к нему не меньше. Она буквально без ума от него, но она постоянно сомневается в его ответном чувстве: «Ты так много жил, так много любил... Ты получил сполна... Ты не хочешь начинать сначала,

еще раз изведать мир, жизнь, любовь. И вечно какая-то ирония, будто ты уже изведаль и потоп, и царицу Савскую, и все такое и будто ты не собираешься начинать все сначала лишь из-за того, что есть девушка, которая тебя любит». Он категорически возражает ей, объясняя, что как бы открыл в себе второе дыхание, поняв недостаточность реальности, потому что она притупилась и уже не способна интриговать, а воображение исчерпало себя, иссякло и потребовало возврата к реальности. «Никогда, – признается поглощенный чувством мужчина, – я не любил с такой самоотдачей. Я даже не вспоминал о прочих своих любовных увлечениях, быть может, потому, что счастье – всегда преступление из ревности: оно истребляет все предыдущее. Каждый раз, когда мы... слиты воедино в глубоководной тиши, что оставляет слова их поверхностным трудам, а где-то наверху, далеко-далеко напрасно колышутся тысячи крючков обыденности со своими наживками из мелких удовольствий, обязанностей и ответственностей, происходило рождение мира, хорошо известное всем тем, кто еще знает эту истину, которую наслаждение порой столь успешно заставляет нас забыть: жизнь – это мольба, внять которой способна лишь любовь женщины». «Мне казалось, – продолжает Жак, – что до нашей встречи моя жизнь была лишь чередой набросков, черновиков – женщин, жизни, тебя, Лора. Я знал одни лишь предисловия. Любовная мимика, многочисленные и разнообразные интрижки, все эти “пока” и “до скорого” – не более чем отсутствие подлинного дара, которое укрывается в подделке, в чем-то “на манер” любви. Порой это бывает сработано довольно удачно, и искусственность не слишком бросается в глаза, опыт скрывает сноровку, есть даже некоторая непринужденность, можно даже обойтись гораздо меньшим и дешевле, одним лишь удовольствием». Он с исповедальной откровенностью кается в том, что, повинувшись инстинкту самца, потребительски следовал зову плоти, любил «женщину... скверно, как инструмент обладания миром. Как некую пробуждающую силы скрипку, откуда извлекают пьянящие аккорды».

Они оба выше условностей, им нет дела до сплетен и пересудов. Их защитная реакция – абстрагироваться от того, что им перемывают косточки. И то, что о них говорят: «Не понимаю, что она в нем нашла, что он в ней нашел», воспринимают, как верное доказательство того, что два существа действительно нашли друг друга. Жак не переставал надеяться, что жизнь «наконец пока-

жет, что способна на создание гениального произведения», и Лору, и свою любовь к ней он расценивает именно так. Ему странно даже представить, будто раньше ее у него, а его у нее не было! «Дай мне свое дыхание, – молит Жак. – Пусть это будет навсегда. Маленькие вечности отсчитывают свою бесконечность под его ладонью, и на этот раз они говорят не о проходящем времени, но о том, что счастье может его останавливать. Есть, конечно, внешний мир, мир, в котором умирают и голодают, но это знание внушают нам наши гуманистические принципы».

Любовь все стерпит

Финал истории Лоры и Жака не назовешь счастливым. Наступает момент, когда между ними, «словно проколотый воздушный шарик, повисает молчание, полное обоюдного понимания, когда каждый пытается подавить свое разочарование и свою горечь с цивилизованной отстраненностью». «Привязанность к жизни – одно из самых больших зол», – утверждает автор устами героя. «Когда реальности становится недостаточно, когда она притупляется и уже не способна стимулировать, обращаются к воображению, к фантазиям, но затем само воображение исчерпывает себя, отстает и, в свою очередь, требует возврата к реальности». Кризис в отношении вносит неприятный физиологический диссонанс: он в отчаянии, что не может удовлетворить ее сексуальные запросы, хотя долгое время ему удается, прибегая к возбуждающим образам и воспоминаниям, оставаться на высоте. Но настает момент, когда он тщетно пытается перевоплотиться в самого себя, молодого и сильного, каким он был двадцать лет тому назад. Увы, его постигает неудача. «Все, что было песнью, – удрученно итожит он, – стало бормотаньем». Для него нет большей слабости, чем любить кого-то, отдаваясь на его милость. Считая, что лишает молодую женщину счастья, такого же естественного для нее, как солнце и цветы, Жак не придумывает ничего лучше, как нанять случайно пойманного им за руку воришку – юного красавца с литым телом и неутомимого в постели и перепоручить ему свои мужские функции. Ведь то была еще эпоха до виагры.

Лора сопротивляется. «Знаешь, – настаивает она, – когда я говорю, что люблю тебя, речь... даже не о любви. Я тебе говорю о невозможности дышать иначе. Так что мне, по-твоему, до всех этих... телесных дел? Может, ты думаешь, что я тебя выбирала?

Вроде как делала покупки и брала самое лучшее? Я вообще ничего не выбирала... Это ты, и я ничего тут поделатъ не могу... По-французски ведь говорят “сражен” любовью, верно? Когда тебя сразило, это же не нарочно». Но под напором человека, которого боготворит, женщина принимает его жертву. «Любовь все стерпит», – обреченно говорит она.

Вопрос о том, совершил или нет герой нравственное предательство любви, остается открытым. Похоже, что сам Ромен Гари, оказавшись на месте Жака, поступил иначе: моральному самоубийству он предпочел добровольный уход из жизни, ибо привык побеждать и не выносил проигрывать и терпеть поражение в чем бы то ни было.

Литература

1. The humanist alternative: Some definitions of humanism / Ed. by Kurtz P. Buffalo. N.Y.; L., 1973.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Фромм Э. Искусство любить. М., 1990.

Solovyov, Vladimir M. *Romain Gary's love philosophy*

References

1. *The humanist alternative: Some definitions of humanism*, Kurtz P. Buffalo (ed.), New York, London, 1973.
2. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i ehstetiki* [Questions of literature and aesthetics], Moscow, 1975.
3. Fromm, E. *Iskusstvo lyubit'* [The art of loving], Moscow, 1990.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.15>